

Спиваков виртуозно машет руками. А если надо, и кулаками!

Поседевший Владимир Спиваков с любимой скрипкой Страдивари.

Обычная при лицезрении Владимира Спивакова мысль: «Боже, как он выглядит!» Потом начинаешь расшифровывать это «как». Выглядит Спиваков молодо, бодро. Благородная седина ему идет. Потом выясняется, что Спиваков со своей красавицей женой Сати легли спать только в пять утра, а встали уже в девять. Полночи они просидели на телевидении, общаясь с Дмитрием Дибровым после программы «Антропология». Усталость на их лицах не наблюдается.

Еще один штрих к портрету — гипс на левой руке. Смотрится он диковато: гипс — это явно сюжет из другой оперы.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Спиваков Владимир Теодорович. Родился в Уфе. Отец был инженером, работал на авиационном заводе старшим мастером, мать — пианистка, выпускница Ленинградской консерватории. В 1979 году Спиваков впервые и с большим успехом дирижировал симфоническим оркестром. Это был Чикагский оркестр. Потом были придуманы «Виртуозы Москвы» — любимейший в России камерный оркестр. В 1989 году «Виртуозы» всем составом переехали в Испанию, по приглашению Принца Астурийского.

Сейчас Владимир Спиваков одновременно руководит двумя оркестрами — «Виртуозами Москвы» и Российским национальным оркестром. Первый его концерт с РНО прошел в конце сентября этого года.

Владимир Спиваков уже 16 лет женат на выпускнице ГИТИСа, актрисе Сати Саакянц, дочери известного армянского скрипача Зарэ Саакянца. Ее отец был учеником Янфельдта, как и Владимир Спиваков. У Владимира и Сати трое детей, которые живут в Париже.

Владимир Спиваков играет на скрипке работы Страдивари, сделанной в 1712 году. Деньги за нее внесли три человека, специально создавший фонд по владению скрипкой Страдивари. Имени Спивакова в числе этих троих людей нет.

Перед отлетом в Буэнос-Айрес Владимир Теодорович рассказал нам о музыке, боксе, новом имидже и записанной кисти

— Владимир Теодорович, как же это вас? — Производственная травма. Ударился о дирижерский пульт, не обратил внимания. Потом дирижировал весь день, и рука так разболелась, что я не мог надеть перчатку. Вчера пришлось съездить в больницу Склифосовского, там мне сделали рентген. Сказали, что какое-то не такое у меня строение руки...

— Это с какой же силой нужно было рукой махать, чтобы о дирижерский пульт так удариться?

— Есть еще сила. Спиваков смеется. Потом, во время разговора, он часто будет сопровождать свои слова плавными движениями записанной руки.

— А имидж почему сменил? Почему решили так вот сразу поседеть?

— Ничего я не менял специально. Просто всему приходит время.

— О вашем новом облике говорят, что вы стали очень похожи на Чайковского и будто бы вы добивались такого эффекта специально.

— Говорят у нас все, что угодно. На самом деле, если я похож на Чайковского хотя бы внешне, то это можно только за счастье считать.

Мы не хотим делать друг друга счастливыми

— Владимир Теодорович, недавно вы возглавили Российский национальный оркестр, и критика плохо отнеслась к вашему первому концерту. Вы выступили вместе с прежним главой оркестра Плетневым, и сравнения были не в вашу пользу. Писали, например, что, как только начинал солировать Плетнев, сразу становилась заметна скудность оркестровки. Вы почувствовали, что в новом качестве стали более уязвимы для критики?

— Вы кого имеете в виду? Тех людей, которые считают себя критиками, не являясь таковыми? Я такие статьи не читаю.

— Все же, как вам кажется, почему на вас нападают так резко?

— Потому что они хотят себе сделать имя. Помните, если кто-то напишет о незначительном человеке, никого это не заинтересует. А вот отругать всенародно Ростроповича...

— Это как ж там такое лает на слона?.. У нас сейчас такое время, когда люди не хотят делать друг друга счастливыми. А если вы не хотите и не можете давать другому человеку счастье — хотя бы на мгновение, — то вы и сами никогда счастливы не будете. То, о чем вы говорите, это обыкновенная зависть. Не более того. Если так будет продолжаться, мне придется развешивать этих людей публично.

Почему вы еще не сделали этого?

— Еще не время. Сейчас время, которое востребует этих людей, — время Невзоровых и Доренко. Но это скоро пройдет. В следующем году будет совершенно другое время, нужно будет заново строить страну.

Влапа грудная клетка

— Про ваше детство рассказывают такую историю: будто бы ваш отец высасывал спички из коробки и говорил, что вы должны играть какой-то пассаж столько раз, сколько спичек рассыпалось.

— Да, это правда.

— Как вы тогда это воспринимали?

— Это была игра. Отец никакого отношения к музыке не имел, но это была очень мудрая тактика. Детей нужно вовлекать в игру. Потому что просто так повторять пассаж двадцать раз действительно неприятно. Я до сих пор не могу это делать. Сейчас, к сожалению, только папы не стало. А я был бы счастлив, если бы он снова раскидал мне спички.

— Судя по воспоминаниям, вы были послушным мальчиком, мало гуляли, играли на скрипке. А потом вдруг занялся боксом. Это был своеобразный протест?

— Всегда у детей возникает протест. Это

закономерно. Нас — мальчиков тщеславных, со скрипочками — часто поджидали другие мальчики. И были стычки, которые всегда кончались отнюдь не нашей победой. В конце концов мне стало стыдно смотреть на свою впалую грудную клетку.

— Когда вы научились драться, вы часто использовали свое умение?

— Ну вот, опять... Спиваков морщится, потом начинает искать на столе какую-то бумагу.

— Я только что получил текст, чтобы подтвердить информацию.

Он принимает читать, время от времени комментируя прочитанное:

«Владимир Спиваков... занимался живописью, боксом и тяжелой атлетикой. Ежедневные упражнения с гантелями и штангой сопровождают его всю сознательную жизнь».

Наложив, в каком-то возрасте мне действительно подарили штангу. Но она не помещалась в нашей квартире, и поэтому стояла у лифта, в подъезде. Мама сказала, пусть стоит, потому что ее никто унести не сможет.

— Она там так и стояла или вы иногда к ней подходили?

— Подходил.

Чтение продолжается:

«Занятия боксом в результате принесли свои плоды. Это случилось несколько лет тому назад, на одной из парижских улочек. Поздно вечером, в 11 часов, Владимир Спиваков со своей женой возвращался от Ростроповича, когда к ним подошли двое неизвестных». Их было трое. «Угрожая, пытаясь отнять деньги, явно считая элитную семейную пару легкой добычей. Однако вместо кошелека грабители получили несколько профессиональных ударов».

Спиваков откладывает текст в сторону и признается:

— Все так и не так. Я отпустил только одному из них.

— Остальные убежали?

— Да. Это был первый случай, когда я приехал в Институт Склифосовского. Я должен был лететь в Москву и позвонил из Парижа навестить директора, чтобы меня встретили у трапа самолета, потому что очень болели ребра. Оказалось, что они сломаны.

— Это был единственный случай, когда вам приходилось драться?

— Из этого не нужно делать историй. В Париже драться нельзя. Там за это сразу сажают в тюрьму. Я счастливо тюрьмы избежал — Сати меня удержала. Когда пришел полицейский, я спросил: «А что вы делали на моем месте, если б вашу же руку вырвали за плечо?» Он ответил: «Я был записан номером автомобиля, пошел и подал заявление в полицию». «А если по мужски дать отпор?» Тогда, — говорит, — две недели в тюрьме». Самое интересное, что на французском сленге, когда человек попадает в тюрьму, это называется jeu de violon. То есть — игра на скрипке.

Скитальцы-«Виртуозы»

— Сейчас вы руководите сразу двумя оркестрами — «Виртуозами Москвы» и Российским национальным. Честно говоря, это представляется просто невозможным.

— Это трудно. Меня некоторые журналисты хотят представить в виде администратора, который изредка занимается дирижированием. Ничего подобного нет, конечно. Я не имею никакого отношения к таким техническим вопросам. Моя задача — подготовить оркестры так, чтобы они замечательно играли.

— У «Виртуозов Москвы» в Москве вроде бы нет репетиционной базы. Вы что-то подыскали?

— Ну, сложный вопрос. Я очень доволен, что она поможет мне. Без нее много бы не получилось. Если бы она занималась театром, снималась бы в кино, уезжала бы куда-нибудь на съемки... Ну она уезжает, я уезжаю. А все-таки трое детей. Ииога Саакянц — это делает в актерском направлении. Ну, мне, гола два тому назад она читала на французском языке «Петю и волка» Прокофьева. А дети моего фонда играли, и был большой успех.

Наша Дума — тоже часть культуры

— Когда вы бываете в России, вы смотрите телевизор?

— Да. Вот сейчас, из-за того что я не могу играть, а оркестр Российский уехал в поездку, я смотрю телевизор.

— Ну и как?

— Как. Вижу репортажи из моего любимого города Петербурга и никак не могу поверить, что он дошел до такого состояния. Люди спокойно говорят о группировках каких-то, но ни один человек не называет фамилий, все запутано. Как это может быть в таком городе? Что это за губернатор такой? А расстрел в парламенте. Армения, а война в Чечне? Каждый час человека погружают во мрак.

— Вы говорите о событиях. А форма, способ рассказа о них?

— Конечно, ясно видно, кому кто служит. Один канал обслуживает одного человека, другой — другого. Ужасно!

Скажите, а каковы ваши взаимоотношения с властью?

— У меня нет отношений с властью.

— Так не бывает.

— Ну, допустим, приходит на концерт Примаков. И сразу пишут, какие у меня с ним отношения. Но он же тоже человек, правда? Я же не скажу ему: «Евгений Максимович, не приходите на мой концерт».

— Приход на концерт — это одно, а совсем другое дело, когда приходится просить, к примеру, ту же репетиционную базу. Как улаживаются подобные дела?

— Я написал письмо Путину. Попросил помочь Российскому национальному оркестру. Он меня тут же принял. Путин мне очень понравился. Но, поскольку разговор был между карацевцами, дагестанцами и другими проблемами, я прекрасно понимал, что ему непросто решить вопрос Российского национального оркестра.

— Как вам кажется, в какой форме государство должно помогать музыканту?

— Вы как-то на вопрос, сколько комнат в вашей парижской квартире, сказали, что не знаете. Это кокетство?

— Нет, ну можно начать вспоминать, пе-

реходить мысленно из комнаты в комнату так важно?

— Нет, мне просто интересно, что вы не помните.

— Ну... (Длинная пауза.) Пять.

— Вы настолько равнодушны к быту?

— У меня должно быть только место, где я могу заниматься. Это может быть на вокзале, в купе поезда, в каюте парохода. Мне совершенно все равно. Ну желательно, чтобы там было чисто.

— Недавно в интервью ваша жена рассказывала, что вы довольно холодно относитесь к ее актерским работам, к ее попыткам вообще сниматься в кино.

— Вы это у нее спросите.

— Так она ж свою точку зрения уже высказала! Мне интересно ваше мнение узнать. Спиваков кашляет.

— Ну, сложный вопрос. Я очень доволен, что она поможет мне. Без нее много бы не получилось. Если бы она занималась театром, снималась бы в кино, уезжала бы куда-нибудь на съемки... Ну она уезжает, я уезжаю. А все-таки трое детей. Ииога Саакянц — это делает в актерском направлении. Ну, мне, гола два тому назад она читала на французском языке «Петю и волка» Прокофьева. А дети моего фонда играли, и был большой успех.

— Когда вы уезжали в Испанию, это была ошибка. Что-то потерялось...

— Когда вы уезжали в 89-м, это с недоумением воспринималось публикой: как это, уехали всем оркестром, а мы их так любили... Но вы, как мне показалось, слишком быстро покинули Испанию. Если бы у вас была возможность переиграть все последние девять лет, вы бы уехали из России?

— Нет.

— Почему?

— Я думаю, что это была ошибка. Что-то потерялось. Я имею в виду, не для меня лично. Я потерял часть соратников своих. В общем-то я не хотел уезжать. Просто оркестр хотел уехать. И я ему помог.

У меня нет денег выкупить скрипку

— Еще один анекдот про вас: в «Часе пик» Разбаш попросил вас потрогать вашу скрипку Страдивари, и вы ему не дали...

— Нет, потрогать я ему дал. Но в моих руках. Скрипка-то ведь не моя.

— А он подержать просил?

— Да. Как пистолет Дзержинского.

— А скрипка принадлежит фонду?

— Да. У меня ведь нет таких денег, чтобы ее выкупить.

— В программе Диброва вы сказали фразу «я не такой богатый, как выгляжу». Что под этим подразумевалось?

— Речь шла о возможности путешествовать всей семьей. Но билеты ведь очень

дорогие. Да, я живу в парижской квартире. Но это не моя квартира. Это квартира банка. В 2017 году я должен ее выкупить. Пока живу в кредит.

— Все же квартира в Париже — это звучит внушительно.

— Квартиры у меня две. Одна в Париже, другая в Москве. Нет машины, нет дачи. Скрипка чужая. Смычки, которыми я играю, паршивые.

— За что же вы их так?

— Ну, они совершенно не ценные. Стоили когда-то двести марок ГДР. Сейчас это вообще ничто.

— Зато дирижерская палочка Бернштейна есть.

— Да, дирижерская палочка. Подарок. Не подумайте, что я хочу приблизиться к Яне неужелю. Но позволить себе путешествовать всей семьей в Буэнос-Айрес я не могу.

Дети ваши живут во Франции. А мама? — Также во Франции. Она тоже, кстати, очень переживает за Ленинград. Она блоку пережила, это особый сорт людей. Вместе с Шостаковичем дежурила — сбрасывала фуганские бомбы с крыши.

Симфонические танцы

— Владимир Теодорович, еще пару слов о критике. Вас часто называют популяризатором. Как вы к этому относитесь?

— Мне кажется, это непонимание и нежелание понять. Но все равно когда-нибудь поймут. Шостаковича тоже не понимали — просто не считали за композитора. Но он знал, что делает и что его работа адресована не только сегодняшним слушателям, но и завтрашнему дню.

— Вы как-то говорили, что вы не композитор, не аранжировщик. Вы дирижер, вы дадите концерт, который существует один вечер. И для вас все же должен быть важен успех здесь и сейчас, а не завтра.

— Я не думаю об аплодисментах. Я думаю о том, что я должен сказать сегодня. Почему я беру то или иное сочинение. В декабре, например, я буду играть в России «Симфонические танцы» Рахманинова. В первый раз они были исполнены в 1941 году в Америке. В этом сочинении очень ярко выражена тоска человека по родине. И в одной статье Светланов, например, пишет, что во время войны он услышал по радио «Симфонические танцы» и стал плакать. Так музыка на него подействовала. Действие на человеческое сердце — вот это и вправду важно.

Беседовала Валентина ЛЬБОВА.

Еще не «виртуоз», но уже дарование!

— Да, я живу в парижской квартире. Но это не моя квартира. Это квартира банка. В 2017 году я должен ее выкупить. Пока живу в кредит.

— Все же квартира в Париже — это звучит внушительно.

— Квартиры у меня две. Одна в Париже, другая в Москве. Нет машины, нет дачи. Скрипка чужая. Смычки, которыми я играю, паршивые.

— За что же вы их так?

— Ну, они совершенно не ценные. Стоили когда-то двести марок ГДР. Сейчас это вообще ничто.

— Зато дирижерская палочка Бернштейна есть.

— Да, дирижерская палочка. Подарок. Не подумайте, что я хочу приблизиться к Яне неужелю. Но позволить себе путешествовать всей семьей в Буэнос-Айрес я не могу.

Дети ваши живут во Франции. А мама? — Также во Франции. Она тоже, кстати, очень переживает за Ленинград. Она блоку пережила, это особый сорт людей. Вместе с Шостаковичем дежурила — сбрасывала фуганские бомбы с крыши.

Симфонические танцы

— Владимир Теодорович, еще пару слов о критике. Вас часто называют популяризатором. Как вы к этому относитесь?

— Мне кажется, это непонимание и нежелание понять. Но все равно когда-нибудь поймут. Шостаковича тоже не понимали — просто не считали за композитора. Но он знал, что делает и что его работа адресована не только сегодняшним слушателям, но и завтрашнему дню.

— Вы как-то говорили, что вы не композитор, не аранжировщик. Вы дирижер, вы дадите концерт, который существует один вечер. И для вас все же должен быть важен успех здесь и сейчас, а не завтра.

— Я не думаю об аплодисментах. Я думаю о том, что я должен сказать сегодня. Почему я беру то или иное сочинение. В декабре, например, я буду играть в России «Симфонические танцы» Рахманинова. В первый раз они были исполнены в 1941 году в Америке. В этом сочинении очень ярко выражена тоска человека по родине. И в одной статье Светланов, например, пишет, что во время войны он услышал по радио «Симфонические танцы» и стал плакать. Так музыка на него подействовала. Действие на человеческое сердце — вот это и вправду важно.

Беседовала Валентина ЛЬБОВА.

Еще не «виртуоз», но уже дарование!

— Да, я живу в парижской квартире. Но это не моя квартира. Это квартира банка. В 2017 году я должен ее выкупить. Пока живу в кредит.

— Все же квартира в Париже — это звучит внушительно.

— Квартиры у меня две. Одна в Париже, другая в Москве. Нет машины, нет дачи. Скрипка чужая. Смычки, которыми я играю, паршивые.

— За что же вы их так?

— Ну, они совершенно не ценные. Стоили когда-то двести марок ГДР. Сейчас это вообще ничто.

— Зато дирижерская палочка Бернштейна есть.

— Да, дирижерская палочка. Подарок. Не подумайте, что я хочу приблизиться к Яне неужелю. Но позволить себе путешествовать всей семьей в Буэнос-Айрес я не могу.

Дети ваши живут во Франции. А мама? — Также во Франции. Она тоже, кстати, очень переживает за Ленинград. Она блоку пережила, это особый сорт людей. Вместе с Шостаковичем дежурила — сбрасывала фуганские бомбы с крыши.

Симфонические танцы

— Владимир Теодорович, еще пару слов о критике. Вас часто называют популяризатором. Как вы к этому относитесь?

— Мне кажется, это непонимание и нежелание понять. Но все равно когда-нибудь поймут. Шостаковича тоже не понимали — просто не считали за композитора. Но он знал, что делает и что его работа адресована не только сегодняшним слушателям, но и завтрашнему дню.

— Вы как-то говорили, что вы не композитор, не аранжировщик. Вы дирижер, вы дадите концерт, который существует один вечер. И для вас все же должен быть важен успех здесь и сейчас, а не завтра.

— Я не думаю об аплодисментах. Я думаю о том, что я должен сказать сегодня. Почему я беру то или иное сочинение. В декабре, например, я буду играть в России «Симфонические танцы» Рахманинова. В первый раз они были исполнены в 1941 году в Америке. В этом сочинении очень ярко выражена тоска человека по родине. И в одной статье Светланов, например, пишет, что во время войны он услышал по радио «Симфонические танцы» и стал плакать. Так музыка на него подействовала. Действие на человеческое сердце — вот это и вправду важно.

Беседовала Валентина ЛЬБОВА.

Еще не «виртуоз», но уже дарование!

— Да, я живу в парижской квартире. Но это не моя квартира. Это квартира банка. В 2017 году я должен ее выкупить. Пока живу в кредит.

— Все же квартира в Париже — это звучит внушительно.

— Квартиры у меня две. Одна в Париже, другая в Москве. Нет машины, нет дачи. Скрипка чужая. Смычки, которыми я играю, паршивые.

— За что же вы их так?

— Ну, они совершенно не ценные. Стоили когда-то двести марок ГДР. Сейчас это вообще ничто.

— Зато дирижерская палочка Бернштейна есть.

— Да, дирижерская палочка. Подарок. Не подумайте, что я хочу приблизиться к Яне неужелю. Но позволить себе путешествовать всей семьей в Буэнос-Айрес я не могу.

Дети ваши живут во Франции. А мама? — Также во Франции. Она тоже, кстати, очень переживает за Ленинград. Она блоку пережила, это особый сорт людей. Вместе с Шостаковичем дежурила — сбрасывала фуганские бомбы с крыши.

Симфонические танцы

— Владимир Теодорович, еще пару слов о критике. Вас часто называют популяризатором. Как вы к этому относитесь?

— Мне кажется, это непонимание и нежелание понять. Но все равно когда-нибудь поймут. Шостаковича тоже не понимали — просто не считали за композитора. Но он знал, что делает и что его работа адресована не только сегодняшним слушателям, но и завтрашнему дню.

— Вы как-то говорили, что вы не композитор, не аранжировщик. Вы дирижер, вы дадите концерт, который существует один вечер. И для вас все же должен быть важен успех здесь и сейчас, а не завтра.

— Я не думаю об аплодисментах. Я думаю о том, что я должен сказать сегодня. Почему я беру то или иное сочинение. В декабре, например, я буду играть в России «Симфонические танцы» Рахманинова. В первый раз они были исполнены в 1941 году в Америке. В этом сочинении очень ярко выражена тоска человека по родине. И в одной статье Светланов, например, пишет, что во время войны он услышал по радио «Симфонические танцы» и стал плакать. Так музыка на него подействовала. Действие на человеческое сердце — вот это и вправду важно.

Беседовала Валентина ЛЬБОВА.

Еще не «виртуоз», но уже дарование!

— Да, я живу в парижской квартире. Но это не моя квартира. Это квартира банка. В 2017 году я должен ее выкупить. Пока живу в кредит.

— Все же квартира в Париже — это звучит внушительно.

— Квартиры у меня две. Одна в Париже, другая в Москве. Нет машины, нет дачи. Скрипка чужая. Смычки, которыми я играю, паршивые.

— За что же вы их так?

— Ну, они совершенно не ценные. Стоили когда-то двести марок ГДР. Сейчас это вообще ничто.

— Зато дирижерская палочка Бернштейна есть.

— Да, дирижерская палочка. Подарок. Не подумайте, что я хочу приблизиться к Яне неужелю. Но позволить себе путешествовать всей семьей в Буэнос-Айрес я не могу.

Дети ваши живут во Франции. А мама? — Также во Франции. Она тоже, кстати, очень переживает за Ленинград. Она